Переводчик: Антония

Опустив бдительность, Мо Цяньсю встал: "Спасибо, Ваше Величество".

Императрица, казалось, довольна своим смирением: "Сердце мое, что вы только что вернулись сегодня".

Мо Цяньсюэ ответил послушно: "Да, Ваше Величество. Я только сегодня днём приехал в свой особняк". Посмотрев много сериалов, она знала, как разговаривать с императрицей.

Императрица повернулась, чтобы войти внутрь: "По дороге все было хорошо?"

Мо Цяньсюэ проследил за ним, прогулялся и ответил: "Да, Ваше Величество. Все было прекрасно".

Войдя в помещение, Императрица сидела в положении хозяина на диване и разговаривала с ней, как старший родственник, разговаривая с детьми: "Где ты был последние полгода? Я беспокоился о тебе день и свет. Перед тем, как скончалась твоя мать, мы с ней были близки, как сестры."

Мо Цяньсюэ внимательно ответил: "Полгода назад я был несчастен и смыт рекой...".

К своему удивлению, Императрица внезапно изменила свой тон, глаза не содержащие следов сострадания и острые, как лезвие, повороты.

"Но я слышал, что ты живешь с мужчиной уже полгода, без сватовства и подарков на обручение". Теперь ты уже не девственница". Слова были предельно просты.

Мо Цяньсю посмотрел вверх: "Могу я узнать, кто это сказал?" Теперь она была наследницей особняка Основателя. Если было доказано, что она не девственница, то она была виновна в прелюбодеянии, наказание за которое было похоже на смерть.

Императрица смотрела ей прямо в глаза: "Просто скажи мне, правда это или нет". Для женщины целомудрие - самое важное. Твой отец всю жизнь пользовался большой славой. Твоя мать также была образцом для подражания для женщины. Ты не можешь осквернить себя".

"Да, мы жили вместе, но..."

"Правда! Тогда я дам тебе трехфутовый белый шелк ради твоего целомудрия, а также ради моего сестринства с твоей матерью".

Белый шёлк! Она хотела, чтобы ее повесили?

Мо Цяньсю тайно чихнула. Не услышав ее объяснений, она немедленно приговорила ее к смерти.

Что это была за сестра? Очевидно, это был враг.

Глаза Императрицы снова стали нежными и грациозными, как будто то, что она подарила Мо Цяньсюэ, было не белым шелком, а куском сокровища: "Я тоже не хочу, чтобы это случилось, но сестра доверила мне заботиться о тебе". Сестра чиста, как снег. Ты, как ее дочь, тоже должна быть чистой. Просто позволь белому шелку смыть грязь с твоего тела."

Няня вышла с белым шелком и вручила ей.

Нежелание принять дар Императрицы означало презрение и неуважение к царской власти.

Мо Цяньсюэ уставился на нее, долго молча, опустился на колени в знак благодарности: "Спасибо, Ваше Величество".

Потом она постепенно встала, забрала шелк у няни.

Блестки восхищения мерцали в кажущихся жалкими глазах Императрицы.

Глаза няни были наполнены безжалостностью, как будто думали, что если она откажется взять шелк, то лично отправит ее в ад.

Видя, как Мо Цяньсю захватывает белый шелк, Императрица и няня обменялись радостным взглядом, жестоко улыбнувшись: "Няня, прогуляйся, Мисс". Мо там и позаботься о ней".

Дело было прибито к доске. Мо Цяньсю был трусом. Даже если бы ситуация изменилась, няня "помогла" ей дать мирный конец.

"Да". Няня поприветствовала Мо Цяньсю и посмотрела на Мо Цяньсюэ: "Мисс. Мо, сюда, пожалуйста!" Это был дворец императрицы, конечно, не лучшее место, чтобы повеситься.

Сканируя глазами на отвратительные и жестокие лица Императрицы и няни, Мо Цяньсюэ громко сказала: "Не беспокойте няню". Я сама справлюсь".

В удивленном взгляде Мо Цяньсюэ спокойно расправила шелк и покрыла свое тело.

Отныне в список ее врагов, кроме стервозных матери и сына и последней партии, напавшей на них по дороге, добавилось новое имя - Императрица.

Белый шелк, холодный и чистый, в тот момент должен был дать ей воздух достоинства и благородства, чистого и непокорного посягательства.

Императрица и няня смотрели друг на друга, озадаченные, не зная, что делает Мо Цяньсюэ.

Мо Цяньсюэ, одетая в белый шелк на спине, выглядела грустно: "Ваше величество так внимателен". Я только что приехал в столицу и еще не сделал траурный костюм. К счастью, этого белого шелка достаточно, чтобы его сшить. Сначала я ношу его дома, а к вечеру костюм будет закончен, чтобы отдать должное филиальному благочестию матери и отцу. Я очень ценю вашу доброту, ваше величество". Императрица говорила о целомудрии, но язык ее превратился в филиальное благочестие.

Даже если Императрица не поняла как, она знала, что ее план провалился. В какой-то момент она потеряла дар речи от ярости. Когда она изо всех сил пыталась отбиться от ярости, ее глаза были кроваво-красными, и вся ее элегантность исчезла.

Мо Цяньсю носил шелк, выглядел еще более благородно. Глаза смотрели вниз, но спина была прямолинейна: "Ваше величество, я не закончил свои слова только что. Он спас меня, но я все еще девственница".

Когда Императрица объявила о даровании ей шелка, Мо Цяньсюэ подумал, что даже если она теперь не девственница, Императрица может наказать ее только по женским правилам, но никогда не осмеливается публично приговорить ее к смерти.

Она добавила это сейчас, чтобы согреть Императрицу и не использовать целомудрие в качестве оправдания.

Ее отец совершил огромные военные подвиги, чтобы сделать страну возможной. Она сама была наследницей герцогского титула. Без императорского указа даже Императрица не могла ничего с ней поделать, если бы настаивала на том, чтобы ее не повесили.

Императрица только осмелилась даровать белый шелк, но не смерть, что доказало ее собственную вину совести. Она боялась ушей в стене, а также критики всего мира.

Эти слова о целомудрии были громкими и пронзительными, только чтобы сделать ее настолько позорной, что убить себя.

Тогда Императрица могла рассказать миру, что потеряла невинность и попросила белый шелк.

И она, как мать страны, хорошая подруга матери Мо Цяньсюэ, которая была образцом для подражания для всех женщин, только выполнила свою просьбу.

К тому времени она также бросала грязную воду в свое замыкающее целомудрие, стыд и

самоубийство!

Любила поглаживать, пугать, уговаривать и убеждать. Шаг за шагом, она была нацелена на то, чтобы Мо Цяньсюй надел белый шелк на шею самостоятельно.

Какая порочная тактика!

Если бы она была настоящей Сюэ, она, безусловно, будет ходить шаг за шагом по дороге, которую она разработала. Ведь незамужние древние девушки придавали большее значение целомудрию, чем жизни, и больше всего ценили славу родителей... В последний раз Сюэ покончила жизнь самоубийством и умерла. Не было ни семей, ни друзей, плакавших об оправдании, но были люди, которые всеми силами старались выкопать больше пользы от ее смерти.

Однако, как осмелились бы допрашивать её, самую благородную женщину в стране?

Как и ожидалось, Императрица немедленно изменила свое отношение и спустилась вниз по лестнице со словами Мо Цяньсюэ: "Хорошо, что ты понимаешь". Следите за трауром по моей сестре и Основателю".

Она обернулась, но затем призвала няню: "Пойди проверь, где мисс. Мо все еще девственница".

Проверка ее тела няней неизбежно повлечет за собой обсуждение ее целомудрия и наложит на нее отпечаток стыда в будущем, даже если будет доказана ее невиновность.

Лицо Мо Цяньсюя бледнело от гнева, но она сохраняла чистое и изящное отношение: "Если Ваше величество настаивает на проверке моего тела, то я лучше разобью голову об эту колонну, чтобы мир узнал, как Императрица заботится о ее сестричестве с моей матерью, в отличие от того, как Император относился к Основателю".

Сестринство? Если бы она хотела использовать это, чтобы напасть на свое целомудрие, тогда она могла бы дать отпор и этому.

Императрица хотела ее смерти, но не осмелилась убить ее открыто. Если она действительно разбила голову об колонну и умерла здесь, то Императрица вынуждала умереть единственную дочь Основателя. Она не могла позволить себе принять это обвинение или даже просто попытаться.

Императрица внезапно обернулась, яростно застекливая ее: "Настоящая сука-мать!".

В конце концов, она не смогла это скрыть и обнажила свое настоящее лицо!

Хотя Фэн Цинъю не была современной матерью, которая воспитывала её, она была матерью этого тела, которое использовало Мо Цяньсюэ. Она не позволяла другим проявлять неуважение к ней, даже если этот человек и была Императрицей.

В любом случае, лица были порваны. Больше не было необходимости притворяться.

Мо Цяньсюэ пренебрежительно посмотрела на Императрицу: "Кто эта сука? Моя мать - интимная сестра, о которой ты говорил снова и снова. Если она сука, то кто же ты?" Сучка-сука?

Пока она ставила на жизнь, она осмеливалась бросать вызов имперской власти! Кроме того, Мо Цяньсюэ не боялась ее. Как бы далеко ни зашла ее рука, она чуть не оказалась в императорском дворце.

Публично она не осмелилась ничего с ней сделать. Очевидно, что такой человек, как Императрица, внутри казался только жестким, но на самом деле слабым. Она ценила славу и положение больше всего на свете.

"Ты..." Императрица не ожидала, что она будет такой дерзкой. На мгновение она подавилась этими словами и вздрогнула от ярости, но была безмолвна. Конечно, она понимала подтекст.

"Как ты смеешь!" Видя Императрицу взбешенной, няня отругала Мо Цяньсюэ, идя к Императрице, чтобы мягко похлопать ее по спине и успокоить: "Охрана, Мо Цяньсюэ совершила огромное преступление, оскорбив ее величество; заберите ее... и ждите приговора ее величества".

Императрица еще ничего не сказала, поэтому няня, как служанка, не могла решить сама, поэтому она сказала "дождись приговора Ее Величества".

Мо Цяньсюэ насытилась и ответила слабо: "Я всего лишь испуганная девушка". Не пугайте меня, потому что если бы я так испугалась, что упала и ударилась головой об колонну... Кроме того, сегодня я только что вернулась в столицу и была вызвана сюда, чтобы поприветствовать ваше величество... Если бы меня задержали здесь без всякой причины, боюсь, что общественная дискуссия разозлила бы императора".

Военный вклад ее отца в эту страну был непоколебим, поэтому его герцогский титул был пожалован Императором лично. Теперь она не сделала ошибку, так что независимо от отношения императора, или если он воспринял ее всерьез, он не будет смотреть, как она умирает в глазах всего мира.

Иначе генералы, поддерживавшие императорскую семью, были бы разочарованы. К тому времени никто не пожертвовал бы своей жизнью ради императорской семьи.

Несомненно, императрица хорошо это понимала, поэтому могла только скрипеть зубами и приказать няне: "Пусть встанет на колени и попрощается".

Перед тем, как няня заговорила, Мо Цяньсюй покорно поклонился и сказал: "До свидания, Ваше Величество". Потом она ушла, независимо от того, как они на нее смотрели.

Она ушла из Императорского дворца в таком виде, что, естественно, никто не осмелился подойти к Клэри.

В титаническом императорском дворце ей было несложно найти выход. Она всегда хорошо чувствовала направление и помнила дорогу, которую однажды взяла. Мо Цяньсюэ вышла из императорского дворца Кунинг, определила направление и быстро пошла вперед. Она не хотела оставаться здесь ни на минуту.

Пройдя вдоль дворцовой стены, повернула в сторону, чтобы пройти по небольшому мосту, а потом... она вышла из дворца.

Тем не менее, как она приняла поворот, две няни вдруг бросились к ней. Слева и справа они мгновенно постучали Мо Цяньсюэ на землю.

Затем они поспешили протянуть руку помощи, чтобы помочь ей встать.

Тем не менее, протянув руку, они не стремились помочь ей, но наткнулись на нее по всему телу.

В тот момент, когда Мо Цяньсю упала на землю, иголки уже были между пальцами.

Сонные артерии двух женщин были прямо перед Клэри, и пока они делали что-то странное, она сразу же лишала их жизни.

Положив свою жизнь перед ней, но только в поисках чего-то на нее, они, казалось, не люди из Императрицы, чтобы убить ее.

В этом императорском дворце, люди, а не от Императрицы, осмеливаясь искать ее так безудержно, должны принадлежать Императору.

Что он искал? Деревянный черный жетон?

К сожалению, он не стал бы.

Когда Сюэ дала ей жетон, она уже научила ее, как его спрятать. До тех пор, пока она не

захочет его вытащить, никто не сможет его найти.

Мо Цяньсюй холодно храпел, успокоился и забрал иглы.

Две няни тайно закончили ее обыск и ничего больше не сделали, вежливо помогли ей встать, очистили одежду от пыли, а затем ушли с извинениями.

Во дворце Яньсинь.

Император просматривал мемориал в кабинете, когда пришел с докладом его главный евнух.

Император посмотрел вверх, и главный евнух повторил, что случилось во дворце Кунинг в деталях.

Император поставил мемориал, нахмурившись: "Это значит, что императрицу играл Мо Цяньсюэ"? Ему было все равно, хорошо это сделала Императрица или нет. Тем не менее, Императрица представила свою имперскую власть. Унижение Императрицы означало унижение его.

Главный евнух ответил осторожно: "Кажется... Императрица не получила того, что хотела". Императрицу играли другие. Это можно сказать случайно? Можно ли смотреть пьесу в непринужденной обстановке? Вероятно, он будет участвовать в последствиях.

Брови Императора резко расплющились, и он засмеялся: "Императрица хотела жизни Мо Цяньсюэ, но неожиданно вышибла свои когти".

Смех еще не закончился, когда он вдруг снова потянул за лицо и вздрогнул: "Женщина Се становится все более и более глупой! Если мой план будет разрушен ею, я не против иметь другую императрицу". В любом случае, у семьи Се много дочерей."

Главный евнух стоял там, дрожа над выбором новой императрицы в связи с враждой между императором и кланом Се, и не осмеливался слушать, не говоря уже о том, чтобы дать ответ. Поэтому он изменил тему, сообщив: "Ваше величество, только что я тайно наблюдал. Если что-нибудь случится с мисс. Мо, я бы вышел помочь ей".

Император кивнул, без обязательств. Если бы Мо Цяньсюэ действительно сделала это во дворце Императрицы сразу после возвращения в столицу, то и жизнь этого главного евнуха тоже подошла бы к концу.

Тогда другой молодой евнух пришел, чтобы сообщить, и главный евнух приказал: "Пусть войдут".

Вошли две няни, опустили головы, а через несколько шагов встали на колени, чтобы поприветствовать Императора.

Император не разговаривал с ними, и главный евнух спросил: "Ты закончил то, что я тебе сказал?".

Одна из нянь ответила: "Мы только что обыскали мисс". Мо осторожно. Не было такого украшения, как деревянная табличка".

Император притворялся, что читал мемориалы после прихода нянь. После их рапорта евнух помахал рукой, чтобы отпустить их.

"Благодарю вас, ваше величество". Две няни встали, шагнули назад, а затем повернулись, чтобы уйти.

Не получив того, что требовалось, они были неспокойны по дороге сюда. Неожиданно Император не наказал их за это, поэтому они, естественно, почувствовали благодарность.

Тем не менее, всего через несколько минут после того, как они ушли, некоторые люди бросились, затащив их в темноту, удушая и оставляя их в заброшенном сухом колодце.

Только после того, как няни ушли, император посмотрел вверх: "Были ли они очищены?".

Черный деревянный жетон был секретом всех секретов. Конечно, он не должен быть известен другим.

Главный евнух понял, что имел в виду Император: "Да, Ваше Величество, я договорился заранее. Эти два человека пропали без вести со вчерашнего вечера."

Император кивнул безразлично. Смерть двух простых нянь не могла вызвать пульсации в глазах Императора, который считал, что мертвые - лучшие хранители секретов.

Он кивнул в знак хвалы евнуху и сказал: "Мо Цяньсюэ не может умереть, пока я не получу черный деревянный жетон". Ты пойдешь предупредить Императрицу и сказать ей, чтобы она не вела себя необдуманно. Более того, отправьте больше людей в особняк Основателя. Обязательно узнай жетон как можно скорее".

"Да. Я устрою это прямо сейчас." Лицо вождя евнуха ответило серьезно, кивая, отступая назад, прежде чем повернуться и уйти. Его шаги были легкими, а дыхание долгим и глубоким. Легко сказать, что он хорошо знал боевые искусства.

Замечая ворота дворца недалеко, Мо Цяньсюэ сделал глубокий вдох, обернув вокруг себя

белый шелк, слегка приподняв голову, и поспешил вперед.

Она позволила императрице заплатить за это унижение. Более того, она узнала бы внутреннюю историю смерти отца на войне в прошлом году.

В этот момент в глубине высоких дворцовых стен стоял мужчина в фиолетовых одеждах, за которым стоял мальчик-корреспондент.

Он поднялся высоко и обратил на себя внимание, когда Мо Цяньсюэ вышел из дворца Кунинг в белом шелке.

Живя во дворце, он хорошо знал, что за человек и кто такая императрица.

В императорском дворце людям было запрещено носить белое, хотя она утверждала, что это было дарование Императрицы ради ее сыновнего благочестия.

Но, связывая с этим фактом отсутствие Мо Цяньсюэ в течение полугода, все здравомыслящие люди узнали бы, что означает белый шелк, не говоря уже о людях, живших в императорском дворце в течение многих лет.

Человек в фиолетовом цвете улыбнулся многозначительно: "Дочь особняка-основателя имеет и характер, и красоту". Ее упрямство хорошо сочетается с моим седьмым младшим братом".

http://tl.rulate.ru/book/14777/938357